

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1995 г. М.М. МАКОВСКИЙ

КОМПЕНДИУМ СЛАВЯНСКОЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

(К двадцатилетию выхода в свет первого выпуска
"Этимологического словаря славянских языков")

В 1994 г. исполнилось двадцать лет со времени публикации в академическом издательстве "Наука" монументального "Этимологического словаря славянских языков" (ЭС) под редакцией и при активном участии крупнейшего ученого-этимолога акад. О.Н. Трубачева. Написанный коллективом талантливых исследователей (Ж.Ж. Варбот, В.А. Меркулова, Л.А. Гиндин, Г.Ф. Одинцов, Л.В. Куркина, И.П. Петлева, Т.В. Горячева), Словарь поражает своей уникальностью: оригинальная методологическая концепция, разработанная О.Н. Трубачевым, широта охвата фактического материала, в частности использование огромного корпуса славянских диалектных параллелей, которые никогда ранее не привлекались для анализа, новизна и яркость этимологических решений - все это говорит о том, что перед нами энциклопедический труд, который на долгие времена не только будет служить надежным этимологическим справочником, но и, безусловно, откроет новую страницу в исследовании славянских и индоевропейских языков. Особая роль в создании Словаря (до настоящего времени опубликован 21 выпуск - до архетипа **nadejbnjibj*) принадлежит акад. О.Н. Трубачеву, которого по праву можно считать его архитектором. Блестящий эрудит, автор ряда капитальных исследований по славянской и индоевропейской этимологии, переводчик и комментатор "Этимологического словаря русского языка" М. Фасмера, автор фундаментальных исследований энтогенеза славян, акад. О.Н. Трубачев вложил весь свой яркий талант и незаурядный опыт исследователя в создание этого грандиозного труда [Материалы 1992].

Основной методический прием в работе по отбору материала для Словаря - это восстановление праславянского состава и состояния *и з н у т р и* в рамках лексики каждого отдельного славянского языка. Словарь строится на идее древней диалектной сложности славянства в области лексики и словообразования, на идее автономности праславянского состояния словарных составов отдельных славянских языков и диалектов. Такую методику можно назвать внутренней реконструкцией на том основании, что определяющим при воссоздании праславянского состояния оказываются данные соответствующего отдельного языка и его словаря. Заглавными словами в словаре служат реконструируемые составителями праславянские архетипы: авторы представляют себе реконструкцию древнего состояния как изучение современного состояния лексики, как изучение общенародных форм с переходом затем к материалам локальным (диалектным) и старым (историческим), как процедуру, включающую удаление фактов массовой, поздней продуктивности. При этом важнейшие из праславянских топонимов, антропонимов и имен божеств включаются в Словарь на правах заглавных слов. "Этимологический словарь славянских языков" должен дать ответ на вопрос, как

рассматриваемый в нем праславянский фонд объединяет, а также - как он р а з о б щ а е т славянские языки с их историческим членением на три группы. Следует отметить, что источником реконструкции праславянских архетипов в рассматриваемом Словаре служат не только толковые, двуязычные, диалектные, исторические словари и списки слов в различных изданиях, но и пополнение материалов из различных рукописных, неизданных материалов и картотек. Так, в Софии О.Н. Трубачевым был обследован словарный Архив болгарского возрождения, содержащий интересные лексические и словообразовательные пары диалектного происхождения из болгарской письменности XIX в. и Архив болгарского диалектного словаря. Были извлечены лексические материалы из нескольких десятков дипломных работ по диалектологии студентов Софийского университета, выходцев из различных районов Болгарии. В Югославии О.Н. Трубачевым был обследован еще не изданный тогда (до 1970-х годов) словарь Скока, диалектные лексические материалы сербскохорватского и словенского языков и картотеки исторического словаря словенского языка. Материал для Словаря собирался в картотеке древнечешского словаря в Праге (Ж.Ж. Варбот), в исторических и диалектологических словарных картотеках украинского языка в Киеве, Львове, Ужгороде (В.А. Меркулова). Был также использован неопубликованный труд Л. Деже по лексике украинской закарпатской письменности XVI-XVII вв. (микрофильм Венгерской Академии наук любезно предоставлен автором).

Рассматриваемый Словарь является словарем с л о в о о б р а з о в а т е л ь н о - э т и м о л о г и ч е с к и м . Задача Словаря - инвентаризация праславянского пласта лексики славянских языков во всем словообразовательном многообразии, а отнюдь не только корневой лексики. Одним из основных методологических принципов Словаря является целостная этимологизация слова, т.е. этимологизация всех к о м п о н е н т о в слова без "остатка".

Анализ зафиксированной письменностью истории слова (такое исследование нередко требует филологического рассмотрения отдельных слов) естественно дополняется обширным (в ряде случаев никогда ранее не использованным) материалом пространственной (ареальной) истории слов, в том числе и материалом современных диалектов славянских языков, широко и с большой пользой вводимых в исследование¹.

В отличие от формально-фонетической реконструкции, типичной для "Славянского этимологического словаря" Э. Бернекера, в рассматриваемом Словаре проводится также праславянская реконструкция состава самой лексики. Авторы Словаря справедливо считают, что с точки зрения современной науки было бы неактуально противопоставлять весь славянский, понимаемый как монолитное целое, - всему остальному индоевропейскому. В противоположность этому авторы вводят игнорировавшийся до сих пор разряд соответствий, а именно - разного рода сепаратные, частичные славянско-неславянские соответствия и параллелизмы, которые охватывают часть славянского языкового пространства или нередко - один исторический славянский язык или диалектную группу. При этом славянский словарный состав в его древнейшей части, дифференцированной по диалектам, понимается как продолжение лексики части индоевропейских диалектов. Выявление новых славянско-неславянских словообразовательно-лексических соответствий и параллелизмов приобретает при этом особую важность. Большим преимуществом рассматриваемого Словаря является широкое использование при этимологизации фактов материальной и духовной культуры, а также семасиологических параллелей, призванных подтвердить правильность устанавливаемых семантических соответствий.

Словарная статья в Этимологическом Словаре открывается заглавным словом в реконструированной праславянской форме под звездочкой. Ни ударение, ни значение

¹ В результате работы по реконструкции праславянского словарного состава была получена картотека частных праславянских словников для следующих языков: старославянский, болгарский, македонский, сербскохорватский, словенский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, польский, кашубско-словацкий, русский, белорусский, украинский, полабский.

ИМШ[^] '7 •

праславянского заглавного слова не проставляются. Далее дается полное обозрение всех относящихся сюда слов славянских языков с точным указанием их ударений и значений, а также - в случае необходимости - документации этих слов. Затем дается общая предварительная характеристика данного праславянского слова, реконструированного на основе сведений по славянским языкам и диалектам, производится оценка его географического ареала. После этого следует словообразовательно-этимологический анализ - собственно этимологическая часть словарной статьи. В конце статьи приводится возможно полная литература по этимологии, словообразованию, сравнительно-исторической характеристике соответствующего слова. Порядком расположения всего праславянского материала (заглавных праславянских праформ) служит видоизмененный вариант латинского алфавита: A, B, C, D E, Ё, Ї, G, X, I, J, K, L, M, N, O, q, P, R, S, S, SC, T, U, V, Ъ, Y, Ь, Z, Z.

"Этимологический словарь славянских языков" является словарем - и следованьем *par excellence*: каждая статья словаря - это вполне законченный лингвистический этюд, содержащий все сведения, накопленные современной наукой относительно истории, словообразования, акцентуации того или иного слова в рамках праславянской праформы, а также (что весьма важно) критическое рассмотрение различных точек зрения на эволюцию этого слова, представленных в специальной литературе. Само установление праславянских форм - большая заслуга авторов Словаря. Большим преимуществом Словаря является также неукоснительное соблюдение хронологического принципа, а также особое внимание к древним заимствованиям. Значительным подспорьем для понимания генезиса слова являются небольшие схематические карты ареалов слов, охватывающие районы первоначального обитания и последующего расселения славян [Этимологический словарь 1963; Трубачев 1957; Трубачев 1967].

В Словаре содержится целый ряд исключительно интересных и оригинальных этимологических решений (отметим, что О.Н. Трубачев в других своих многочисленных работах выдвинул ряд новых семасиологических сближений, например, "молчать" - "таять", "пить - петь", "сильный ветер - слепой" и др.)². В качестве примера приведем некоторые новые этимологии, содержащиеся в "Этимологическом словаре славянских языков".

1. Рассматривая праформу **lesb* (ЭС, 14, с. 252), авторы Словаря указывают, что первоначально слово **lesb* не входило в географическую терминологию, а было термином подсечного земледелия. Отход от подсечного земледелия привел к исчезновению древних значений. Слова, обозначающие подсеку, обычно произведены от исходных значений "рвать, драть, чистить, рубить". Ср. русск. диал. *драка* "густой мелкий кустарник", *сеча* "мелкий лес", польск. *pasieka* "часть поля, заросшая кустарником" и др. Предполагаемая реконструкция слова **uloi-kos* к и.-е. **uel-* "рвать, драть, бить". Под реконструкцией **uel-* должны быть объединены три гнезда со значением "рвать, драть" - "плести" - "то, что срывается (волос, шерсть, колос)". К тому же корню относится и русское слово *леска*.

Вместе с тем нам хотелось бы сделать несколько следующих замечаний на полях. В связи с тем, что любая одушевленная вещь или предмет представлялись язычнику в виде одушевленных существ и приравнивались к божественной Первопричине, а с другой стороны, в связи с тем, что дерево (столб) было предметом поклонения и приравнивалось как к Вещи, так и к Божеству, вполне возможно сопоставить русское слово *лес* с латинским *res* "вещь, предмет"; "мир, вселенная, природа". Типологически ср.: др.-англ. *ceatt* "ведь", но осет. *qad* "дерево"; тох. А *wrat* "вещь", но и.-е. *rem-* "лес, дерево"; брет., корнийск. /га "вещь, предмет", но англ. *tree* "дерево" (праслав. **ulъ* < и.-е. **le(i)-/*xl-* - "вещь" < "звук" [Маковский 1989: 51,84]; ср. и.-е. **r?to* "лес" — лтш. *lieta* "вещь" — нем. *Lied* "песня".

² Огромное количество оригинальных этимологии содержится в работах О.Н. Трубачева, посвященных названиям домашних животных, ремесленной терминологии, и в целом ряде статей, опубликованных в сборнике "Этимология" и в зарубежных изданиях. Этимологии О.Н. Трубачева отличаются точностью, строгостью и обычно носят характер семасиологических универсалий.

С другой стороны, следует иметь в виду, что значение "лес" часто соотносится со значением "пустошь, пустой": ср. др.-англ. *wudu* "лес", но нем. *ode* "пустынный"; нем. *arm* "редкий, бедный", но и.-е. *rem-* "лес, дерево"; осет. *qad* "дерево", но др. - англ. *gad* "пустота"; нем. *ledig* "пустой", но и.-е. *reto* "лес, роша"; русск. *пустой*, но русск. *луца* "густой лес". В связи с этим русское слово *лес* можно сблизить еще и с нем. *leer* "пустой", англ. *less* "меньше", литов. *liesa* "тонкий, редкий".

2. В третьем выпуске ЭС на стр. 128 приведена праформа **Bogъ* "ус, волос в бороде" (в болгарском, сербскохорватском, словенском), но в польском *barki* означает "плечо, плечевой пояс", в ст.-украинском *боркъ* "плечо, плечевой сустав". О.Н. Трубачев в отдельной работе [Трубачев 1972] блестяще показал родство значений "плечо" и "ус" (приводятся интересные семасиологические параллели). Отметим на полях этой статьи, что значение "ус" в индоевропейском нередко соотносится еще со значением "огонь": ср. приведенную праславянскую праформу **Bogъ* и англ. *spark* "искра".

3. Рассматривая праславянскую праформу **gora* (ЭС, 7, с. 29-31), О.Н. Трубачев указывает: «Все исследователи исходят из первоначальности значения "гора"..., что, однако, наталкивается по крайней мере на формальные препятствия, до сих пор не привлекавшие должного внимания. Обычно указывалось только на разность гласных исходов (-i, -a) и на их возможную вторичность у этой потенциально консонантной основы ...Однако внутри основы представлена... развитая апофония **g4or-* (слав.): **g'lr-* (др.-инд., алб.), которая позволяет восстановить и ступень **g4er-*, поскольку ступень *-o-* (**g4or-*) в этом ряду всего менее походит на "неапофоническое o", но прямо указывает на производность имени **g'ior-* (полезно при этом обратить внимание на сосуществование разных ступеней **g'ior-* и **g4r-* в одном языке, ср., например, литов. *giri* и *ni-gara*, что свидетельствует о стойкости и длительности вскрываемых отношений). Производность формы наводит на мысль о производности значения "гора". Единственную возможность истолковать и примирить выявленные противоречия мы видим в увязке и.-е. **g4or-* "гора" с и.-е. **g4er-* "поглощать", "жерло", "горло": в определенных условиях (бедность окружающих равнин водой?) гора, по-видимому, воспринималась древними индоевропейцами как источник, родник, жерло, извергающее воду. Дополнительными аргументами в пользу этого предположения могут служить еще: (1) встречаемость др.-инд. *giri* не только в названиях гор, но также и в названиях рек, (2) вариантность *-giri* и *-sara* в др.-инд. *P Hu-sara I Pitu-giri*, название горы, причем *-sara* < и.-е. **ser-* "течь, струиться", куда мы относим еще (3) авест. *haga bsrzaiti*, название горы, собственно "высокий Сток" (обычно довольствуются чтением "высокая Хара")».

4. В семнадцатом выпуске ЭС О.Н. Трубачев справедливо возрождает незаслуженно забытую гипотезу А. Фика о родстве названия льна с и.-е. **lei-* "лить" при первичной мотивации "намоченный" что обусловлено существенным этапом обработки льна - его мочкой (ЭС, 17, с. 87-90, s.v. **lonā*). Именно это толкование, долгое время даже не упоминавшееся в этимологических словарях, получает теперь признание и развитие: структура **lino-* объясняется как причастие страд. прош. вр.; тождественная семантическая модель обнаружена в др.-инд. *uma-* "лен", для которого установлено происхождение из и.-е. **ūmo-* "сырой, намоченный", ср. лат. *ūmēge* "быть влажным".

5. В ЭС, 5, стр. 168 рассматривается праславянский архетип **dvig(a)ti*. О.Н. Трубачев выдвигает оригинальную мысль о том, что здесь перед нами производное от именной формы **dvigo* или скорее **d(ə)vigo*, типологически и семантически близкое нем. *Zweig* "ветвь" (первоначально "развилка") и, подобно последнему, образованное от числительного "2". Развилка, подпорка, служившая рычагом, помогала осуществлять движение, обозначавшееся глаголом **dvigati*, т.е. первоначально - "поднимать, двигать вверх". Типологически ср. словацк. диал. *pososit'sa* "подняться", *sosit'* "поднимать", но *socha* "развилка". Глагол **dvigati* представляет собой славянское новообразование. Поэтому существующие и.-е. этимологии и сближения с нем. *zwicken* "щипать", др.-в.-нем. *zwangan* тж., ирл. *dedaig* "oppressit", гот. *du-wigan, gawigan* "двигать" не могут считаться вероятными.

Вместе с тем, как нам представляется, следует учитывать переход значений гнуть – "двигать(ся)", в связи с чем можно учесть архетип *duei(g)*- "сгибать" (букв. "складывать вдвое": ср. *duei*-, *duuo*- "два"). Понятие движения соотносилось в древнем сознании с изгибанием языков пламени (ср. и.-е. *dh(u)eg*-, *dhok*- "гореть: огонь"), а понятие огня в свою очередь связывалось с понятием души (ср. лат. *bestia* < *dhues*- "зверь", букв. "вместилище души, тотем", литов. *dvesei* "дышать", русск. *дых*, лат. *deus* < 9Fea6s "бог": божество обычно понималось как вечность, как "абсолютное" время, в связи с чем можно учесть, осет. *dug* "время"). С другой стороны, движение в древнем сознании имело магическое значение и могло соотноситься с передвижением душ умерших по реке или морю на пути в загробный мир, а следовательно и со смертью (ср. др.-сев. *deyja* "умирать", гот. *diwans* "смертный", букв. "один из компонентов бинарности жизни и смерти" < *duei*-, *duuo* "два": жизнь и смерть в древности считались бинарным единством). В связи с тем, что движение могло связываться с понятием смерти, а также с понятием зла, интересно рассмотреть происхождение русского слова *русалка*: нам представляется, что это слово представляло собой композитум, соотносимый с ново-ирл. *gē* "луна" (символ смерти) < *geu*- "рвать; гнуть", но также *geu*- "двигаться, спешить" (ср. ирл. *gē* "период времени", авест. *ravah* "пространство" < /и-, *geu*- "пространство" - "время", ср. также лат. *rus* "деревенские просторы" + хет. *sar* "луна" (ср. и.-е. *set*- "двигаться" < "гнуть"). Вместе с тем вполне возможно, что русск. *русалка* соотносится с композитумом, отдельные части которого соответствуют хет. *Iu* "животное" (вместилище души, тотем) + др.-сев. *sal, sala* "душа": хет. *sal* "прыгать". Относительно тох. А /и "животное" ср. и.-е. *leu*- "гнуть": "рвать, разрывать" (зверь мыслился как "разрываемый пополам при жертвоприношении", ср. типологически: гот. *dīus* "зверь" < *dues*, букв. "разрываемый на две части при жертвоприношении").

Интересны следующие факты скандинавских языков: норв. диал. *rusl* "приступ болезни" (по преданиям, русалки навлекали болезни), норв. диал. *rysjeleg* "schrecklich"; норв. диал. *rus* "жребий"; норв. диал. *rusull* "небрежный" (букв. "находящийся в забвении", лишенный чувств от песни русалки), а также др.-англ. *rusel* "жир, семя" (ведьмы натирались жиром, перед тем, как начать ворожбу); тох. А *rse* "ненависть" + и.-е. *al*-, *ol*- "вредить" > "околдовывать", ср. и.-е. *al*- "двигаться" (Mann 1985: 871-872). Ср. также швед. *rusa* "спешить, двигаться". Ср. [Зеленин 1994].

6. В пятом выпуске ЭС на страницах 174—175 рассматривается архетип **ǫbьno* "дно". Обычно объясняют праславянское **ǫbьno* из и.-е. **dhub(h)-no-m*, родственного и.-е. **dheubh-I***dhubbh*- "долбить", "глубокий". Праславянское **ǫbьno* характеризуется как первоначально гетероклитическая основа на *-rln-*. На сложность происхождения **ǫbьno-I***dbhr*- указывают факты, не поддающиеся удовлетворительному объяснению при этимологии *va** *dheubh*- "глубокий": это 1) арм. *erkin* "небо" и *erkir* "земля", через арм. *erku* "два", возводимые к и.-е. **duup* "два" и тем самым обнаруживающие, помимо определенного родства с **dbbn-/***dbbr*-, также особое непридыхательное начало **du-\2*) показания общей семантической типологии, свидетельствующие о том, что понятия и семемы "дно" и "глубокий, бездна" не связаны, а противопоставлены и что значение "дно", напротив, связано со значением "равнина, плоскость" (даже "мель, мелкий"). Все это позволяет взглянуть на слав. **ǫbьno-I***dbbr*- как на родственное и.-е. числительному **duuo* "два" (обозначение видимого мира как единство д в у х твердей – зем-

³ Ср. следующие семасиологические параллели: и.-е. /*xx*- "гнуть" и.-е. *kel*- "(быстро) двигаться" - лтш. *gars* "душа" - прусск. *gallon* "смерть" - др.-инд. *kala* "время" - и.-е. *kel*- "гореть; огонь"; и.-е. *ueg*- "гнуть"; и.-е. *iter*- "двигаться" (др.-англ. *waerlan* "идти, двигаться") - и.-е. *ueg*- "гореть, жечь" тох. А *will, wal*- "умирать" (ср. иерогл. хет. *uala*- "смерть") - и.-е. *uer-men* "время" - авест. *wvan*- "душа".

Отметим, с другой стороны, что значение "смерть" нередко соотносится с названием числа (речь идет о распадении тела на определенное (магическое) число частей): ср. и.-е. *kuotuo-* "четыре", но исп. *kodda* "убить" + тох. А *wal* "смерть" (< *ueg*-, *ueg*-); и.-е. *neu-en* "девять", но и.-е. *nau*- "смерть, умирать" (ср. лтш. *nave* "смерть"); и.-е. *ok-tu* "восемь", но хет. *ug* "смерть" + хет. *li* "жизнь" (ср. арм. *ogi* "дух" + осет. *udd* "душа"); и.-е. *ter*-, *treis*- "три", но нем. *s-ter-ben* "умирать", ср. литов. *lirpti* "to be numb"; и.-е. *sek*-, *suk*- "шесть", но др.-инд. *sucyaty* "гниль, разлагаться", др.-инд. *saki* "вред, ущерб".

⁴ В древности любая жидкость понималась как плетение: ср. англ. диал. *ross* "узел" (символ сверхъестественной силы), но также и.-е. *ids*- "жидкость, влага" (ср. др.-сев. *rosi* "downpour"); ср. также: лтш. *rusa* "молния", швед. *rysa* "to horrify".

Вместе с тем понятие русалки, как и понятие женщины, носило сугубо хтонический характер: ср. др.-англ. *hruse* "земля" + др.-англ. *ear* "земля".

ли и неба). Только так могут быть разъяснены случаи типа галльск. *dub no-* "мир, вселенная", др.-ирл. *domun* (то же). Разумеется, и.-е. состояние в славянском представляется реликтовым, значительно перекрытым связями с продолжениями **dheu(hh-* (ср. особенно **dbbrb-*).

Следует вместе с тем, как нам представляется, обратить внимание на соотношение значений "низ(дно) - верх" со значениями "вода" - "огонь" (первозлементы Вселенной). В этой связи следует с указанными выше лексемами сопоставить ирл. *dohur* "вода" [ср. также исл. *dubba* "женщина": в древности символом женщины и земли было число "два"; типологически ср. представченное в др.-англ. нортумбрийских глоссах *buta* "женщина", но и.-е. *bhu(n)d(h)-* "дно"]. Ср. семасиологические параллели: и.-е. *naros* "вода" [Mann 1985: 827; WP: II, 693], но и.-е. *nez-* "низ, низкий"; брет. *gouled* "дно, низ", но нем. диал. *GUT* "жидкость": шведск. *lug* "низкий", но др.-англ. *log* "вода", др.-сев. *logi* "огонь, пламя" (ср. также и.-е. *uez-* "верх", но хет. *war* "вода", и.-е. *uez-* "гореть; огонь").

7. В тринадцатом выпуске ЭС анализируется архетип **kǵbъ* "крот Talpa". Этимология этого архетипа, как указывается в Словаре (ЭС, 13, с. 57-59), сопряжена с целым рядом проблем и требует преодоления определенных неясностей и заблуждений. В специальной литературе преобладает объяснение слав. **kǵbъ* как родственного литов. *krutus* "подвижный, живой" < "шевелиться, двигаться". Однако упомянутое сближение неудовлетворительно с разных точек зрения. Прежде всего, сомнения внушает само литовское слово - вся семья глагола *kruteti*, которая, в сущности, оказывается темной и изолированной в литовском словарном составе и справедливо заподозрена в заимствовании из русского *крутить(ся)*, о чем, в частности писал Вайан [Vailant 1966: 682]. Дальнейший серьезный упрек подобной этимологизации - в умозрительном характере семантической стороны толкований, при которых "крот" реконструируется то как "подвижный, живой", то как "покрытый". Критическая оценка, как указывает О.Н. Трубачев, требует обращения к названиям крота в других языках, где, как оказывается, они сложены отнюдь не на семантической базе подвижности или покрытости. Так, например, литовск. *kiirmis* "крот", скорее всего, первоначально значило "копатель". Немецкое слово *Maulwurf* "крот" буквально значило "тот, кто насыпает кучу земли" [Kluge 1975: 468], к названию кучи земли восходит и родственное английское *mole* "крот". Учитывая сказанное выше по семантической типологии, а также принимая во внимание звуковой состав слав. **kǵbъ*, О.Н. Трубачев возрождает забытое толкование этого слова - его соотношение с и.-е. **(s)ker-* "долбить, резать" (ср. также литов. *kertus* "землеройка"). Таким образом, О.Н. Трубачев приходит к справедливому выводу о том, что в основе архетипа **kǵbъ* лежало обозначение "копатель, копать", что подкрепляется и моментами этимологической фигуры в сложении **kǵblo-ryja* (с исходным выражением "роющий роет"), и внешними аналогиями, число которых можно умножить, а также реальными мотивами, побуждающими толковать названия крота, землеройки прежде всего от "рыть, копать; острый".

На полях этой статьи следует, однако, отметить следующее. Названия хтонических животных в индоевропейском нередко соотносятся с названием чисел (как олицетворением Вселенной и единства земной и небесной тверди). В этой связи русское слово *крот*, например, можно соотнести с и.-е. *kue(r)tuor-* "четыре". Ср. семасиологические параллели: англ. диал. *want* "крот", но тох. *A-wdt* "второй"; лат. *sorex* "землеройка", но русск. *сорок*; англ. *rat*, нем. *Ratte* "крыса", но гот. *z ar jo* "число". Лат. *talpa* "крот", возможно, соотносится с др.-исл. *tal* "число" (с детерминативом *-p*). С другой стороны, следует обратить внимание на то обстоятельство, что русское слово *крот* соотносится с др.-англ. *hruder*, *hrider* "бык; скот" (олицетворение небожителя), ср. также др.-англ. *heort* "олень"; ср. еще др.-англ. *hrindan* "разрывать, ударять". В этой связи следует указать, что согласно мифопоэтическим представлениям древних индоевропейцев, божество создало Вселенную, разорвав Хаос, причем Вселенная расположена в середине Мироздания (ср. и.-е. *kerd-* "середина") и на периферии находится Хаос. Приведенные семасиологические соотношения, разумеется, никоим образом не противоречат тем, которые установлены в ЭС: и те. и другие дополняют друг друга (ср. о семантической производности значения "резать" [Маковский 1989: 28-31]).

• Типологически ср.: англ. *mole* "крот", но и.-е. *mel-* "скот" (связь Земли и Неба, верхнего и среднего миров).

LJteMM"* n •

8. В десятом выпуске ЭС на страницах 191-192 содержится исключительно интересное и оригинальная этимология архетипа **konopja* "конопля". Осетинское слово *gscen*, скифское **kana-* "конопля" справедливо отождествляются с др.-инд. *kuna-* "зерно, семя, крошка". Конопля (женская) понималась как с е м е н н о е растение и получило свое название от названия семени в местных индоиранских языках Северного Причерноморья. Неясности остаются, поскольку в качестве европейского культурного слова распространение получила более длинная форма, которую можно только предположительно реконструировать как (индоар?) **kana-pus-*, первоначально "конопля м у ж с к а я", ср. др.-инд. *pūman* "мужчина, самец". Мужская конопля семян не даст, однако смешения названий конопли мужской и женской случаются: их отмечает известный исследователь В. Хен. Но исконное значение "мужская конопля" все же остается реальным именно для сложения указанных компонентов, поскольку распространившееся от него название имеет уже общее значение "конопля": ср. инверсионный вариант **pus-kana-*, откуда слав. **poskom*>. В той же статье ЭС, однако, допускается и другое этимологическое решение: предполагается, что мужские особи конопли были обозначены как "пыльниковые, опыляющие" - от и.-е. **pu-s-* "дуть, веять", которое хорошо представлено в древне-индийском лексиконе цветов и цветения: ср. др.-инд. *puskaram* "лотос", *piispaṃ* "цветок", *pusyati* "цвести, процветать".

С другой стороны, история имени **konopja* "конопля", восходящего к иранскому или индоарийскому этносу Северного Причерноморья, тесно связана с историей архетипа **ksc/pai* (русс. купать) как ритуального термина (ср. развитие: **kanap-* > **kotp-* > **ksc/p-*). В данном случае речь может идти о ритуальном омовении в жидкости, настоящей на конопляном семени, или о возлиянии: ср. осет. *seen* "вино", др.-инд. *sana* "опьяняющий напиток". См. об этом ЭС, 10, с. 191; ЭС, 12, с. 61. Вместе с тем **kapatī* можно истолковывать как технический термин, отражающий один из существенных процессов обработки конопли - ее отмачивание, на что справедливо указывается в ЭС⁶.

На полях этой этимологии хотелось бы, однако, отметить возможное соотношение (в индоевропейском плане) архетипов *kopati* (ЭС, 12, с. 58-61) и *kupiti* (ЭС, 13, с. 109-113) : относительно вокализма ср. вариацию *kapa / kupa* "куча" (*kupa* "куча": ЭС, 13, с. 114). Дело в том, что погружение в воду (ритуальное омовение), по поверьям язычников, давало возможность человеку п р и о б р е с т и определенные целительные свойства, приобщиться к божественной силе. В связи с этим показательны следующие сопоставления: ирл. *ind-aim* "мыть", но др.-инд. *yam-* "hold, hold together"; хет. *war* "вода", но и.-е. *ueg-* "взять, приобрести"; лат. *aqua* "вода", но др.-англ. *agan* "иметь, владеть"; ирл. *dobrun* "вода", но русск. *добро* (имущество); алб. *lahem* "купаться", но др.-англ. *laxcan* "схватить, получить"; и.-е. *ap-* "вода", но и.-е. *ap-* "схватить, подлечь". Отметим, что в германских языках (как уже отмечалось, славянское слово предположительно заимствовано из готского) наблюдалась вариация /au/ : /o/: ср. др.-сев. *skaur I skop* "презрение", букв. "отбрасывание, отталкивание". Эти германские слова в индоевропейском плане относятся к тому же корню, что и русское слово *купить* (ср. также: др.-сев. *skopa* "быстро двигаться", норв. *skuppa* "stossen, schütteln", исл. *skoppa* "laufen", а также русск. *скоблить, скопнуть*, исл. *kofi* "дыра"): значения "резать, бить" могли давать не только значение "мыть" [ср. литов. *plakli* "бить", но ст.-слав. ПЛАКАТИ (греч. *πλακτική*) "мыть, полоскать"; литов. *ivask'eti* "ударять, бить", но гот. *↳wahan* "мыть"; литов. *perti* "schlagen", то также "baden, mit dem Badequast schlagen"], но и "заключить сделку; купить, продать" (ср. и.-е. *pel-* "бить", но также "заключить сделку, продать", ср. *pel-* "лечь, купать"; и.-е. *ker-* "бить", но также "заключить сделку, торговать"). Значение "резать, бить" непосредственно связано со значением "гнуть", которое может развиваться как в значение "покупать" (ср. нем. *biegen* "гнуть", но гот. *bugjan* "покупать"), так и в значение "жидкость, вода" (важно учитывать, что в древности вода понималась как плетение), в связи с чем лат. *sauro*, возможно, соотносится с и.-е. *kop-*, *kob-I kup-*, *kub-* "biegen; Knoten" (ср. лат. *cambiare*, *cambire* "менять", др.-сев. *kopa* "пристально смотреть", букв. "схватить зрением"). Одним из атрибутов сакрального омовения была ветвь: человека, совершающего омовение, стегали прутом - символом

⁶ В качестве семасиологической параллели ср.: др.-англ. *flæx* нем. *Flachs* "лен", но и.-е. **pelk-* "влага, жидкость" (ср. выше № 4).

⁷ Слав. *kupiti* считается заимствованием из германского; германское же слово, в свою очередь, заимствовано из латинского и соотносится с лат. *sauro* "трактирщик", лат. *cupa* "бочка, боченок", лат. *cippa* "чаша вина, кубок".

благости, божественной силы и искупления. С другой стороны, преломление ветки, прута символизировало заключение сделки (ср. лат. *slipula* "ветка", но лат. *stipulor* "договариваться, заключать сделку"). В этой связи следует обратить внимание на англ. диал. *hob, hop* "a stake to keep the gate from swinging too far back", *kippit* "a cudgel, a large stick" (к тому же корню относятся: нем. *Hof* "двор", букв. "место, огороженное ветками или колыями", а также англ. диал. *hub* "a secret signal or hint" - таинство ритуала). В свою очередь значение "ветвь" могло соотноситься со значением "жертвоприношение" (ср. англ. *stalk* "стебель", но тох. А *talke* "жертвоприношение"; русск. *стебель*, но др.-англ. *tiber* "жертвоприношение"; русск. *ветвь*, но чеш. *obet* < *ob-uet* "жертвоприношение"; и.-е. *lakslys* "ветка: кол", но др.-англ. *lac* "жертвоприношение"; нем. *Keid* "ветка", но и.-е. *k'ed-* "жертвовать, давать"). Отметим, наконец, что значение "резать, бить" может соотноситься со значением "слабый, слабеть", в связи с чем интересно принять во внимание исл. *kora* "Ermattung; schwachen, entkräften" (типологически ср. англ. *weak* "слабый", но нем. *Wech-sel* "обмен"; и.-е. *uan-* "бить", и.-е. *uen(d)-* "гнуть, крутить", но *upn.fann.fand* "слабый"). Ср. переход значений "слабый" > "быть в состоянии экстаза" (ср. англ. *hop*, нем. *Hopf* "хмель"). Можно полагать, что рассматриваемый индоевропейский корень первоначально означал: 1) "приносить жертву, бросая ее в кипящую жидкость" (ср. др.-инд. *kopayajē*), "бурлить, кипеть": типологически ср. гот. *sauijs* "жертвоприношение", но нем. *sieden*, англ. *seethe* "кипеть"); 2) "приносить жертву в виде жидкости, в частности, в виде мужского семени". В этой связи важно привлечь для сравнения др.-сев. *skap* "männliches Glied" [ср. норв. диал. *kox* "Regenschauer", а также "Verstopfung" > "экстаз" (< *kor-*)]. Это слово соотносится с др.-англ. *sedpan* "творить", "создавать", нем. *shcopfen* "haurire" (вода как творческое начало и жертвоприношение жидкости как творение). Интересно, что значение "творить, делать" соотносится со значением "жидкость": ср. литов. *daryti* "делать, творить", но перс. *darya-* "вода; река"; и.-е. *tak-* "творить, делать", но русск. *мокрый*; литов. *veikti* "делать, творить", но и.-е. *ueg-* "жидкость, влага"; и.-е. *ueg-* "совершать, делать", но тох. А *war* "вода"; ср., с другой стороны, русск. *сырой*, но хет. *suris* "жертвоприношение"; др.-англ. *lac* "жертвоприношение", но англ. *leak* "течь".

9. Весьма интересно решается вопрос о происхождении- архетипа **kobylya* в десятом выпуске ЭС (с. 93-98). Ответственным за проникновение слова **kobylya* (**kabula*) к славянам автор с полным правом считает индоевропейское население восточной части Балканского полуострова - фракийцев. В этой связи указывается на большое сходство слов **kobylya* и названия фракийского селения близ современного города Ямбол в Болгарии - Кофт[Лг] (Гарпократ, Демосфен, Птолемей, эпиграфика), *Cabyle* (Евтропий, Аммиан Марцеллин). Здесь уместно вспомнить о названии горы КііісХхх в Фригии (Малая Азия), с которым еще в античную эпоху связывали имя фригийской богини-матери Кире[Л.П] - Кибелы. Древнефригийские эпиграфические тексты именуют Кибелу матерью (*mater-*), а также *matar kubeleya* (IV в. до н.э.), что означало, вероятно, "Мать (горы) Кибела", ср. точный эквивалент греч. *πῆλξ ὑπερσῆ* "горная мать", которым иногда обозначают богиню-мать. Из соположения однозначных фригийского и греческого выражений вытекает естественный вывод, что в названии Кире[Л.П] скрывается фригийский апеллатив "гора". Действительно, фригийское слово "гора" может продолжать и.-е. **keubh-*, **koubh-*, **kubh-* "возвышение, бугор, вершина". Вероятно, не кто иной, как фригийская богиня-мать Кибела, носила обозначение *po-ti-ni-ja i-ge-ja* "госпожа коней" в микенско-греческом пиловских текстах, иначе - *a-si-wi-ja* "азиатская (богиня)", ср. греч. *πῆλξ* "госпожа, хозяйка коней", а также четкие данные о почитании богини на лошади в Малой Азии. Приведенное выше соположение фриг. *matar kubeleya* = *πῆλξ ὑπερσῆ* "горная мать" может быть, таким образом, дополнено соположением *matar kubeleya* = *πῆλξ ὑπερσῆ* "госпожа коней", что позволяет обнаружить уже у фриг. *kubela*, *kubeleya* значение "лошадь", "лошадиная, конская"; однако это вовсе не означает отказа от толкования "гора, горная". Культ малоазиатской богини-матери был связан с горой и одновременно с лошастью, что очень напоминает синкретизм значения ряда действительно древних словасев. Вместе с тем здесь нельзя не вспомнить, что для обозначения лошади в

¹ Понятия "брать" и "давать" часто смешивались: ср. хет. *da* "брать", но и.-е. *do* "давать"; др.-ирл. *gaihim* "брать", но нем. *geben* "давать".

² Юнг указывает, что лошадь (конь) - символ матери, символ магической стороны Человека ("мать внутри нас", т.е. интуитивное познание). См. [Херлот 1994: 257].

хеттской письменности употреблялась шумерская идеограмма *ANSU KUR. RA^{MES}*, собственно "горные ослы". Возможно, что и в фриг. *kubela, kubeleya* мы имеем обозначение "лошадь" как "горная", своеобразная малоазийская культурная калька. Возвращаясь к слав. **kobyła*, автор отмечает, что оно отражает непосредственно не фриг. *kubela*, а скорее всего – фрак. *kabUla*, родственное слово в другом родственном и.-е. языке, контакты с которым (фракийским) были для праславян реально возможны в придунайских районах. Фригийско-фракийские культурные влияния, связанные с почитанием матери-богини и развитым коневодством, шли в разных направлениях. Ср. сходный с малоазийской Кибелой культ галльской Эпоны, выразительно конской богини.

Постулированное автором соотношение значений "гора" – "лошадь" вполне подтверждается индоевропейскими семасиологическими параллелями: ср. прежде всего указанные выше и.-е. праформы *keubh-, koubh-, kubh-* "возвышение, бугор, вершина", но англ. *cob* "лошадь"; алб. *mat* "гора", но англ. *mage* "кобыла"; русск. *гора*, но ирл. *gerran* "мерин".

В связи с тем, что в древности лошадь была символом Космоса, можно было бы сопоставить русск. *кобыла* (и его славянские соответствия) с прусск. *gerbin* "число" (как символ Вселенной), а также с и.-е. *kerbero-* (др.-инд. *karbara-, kabara-*) "краска" – не только как обозначение масти лошади, но и как космогонический символ: в языческих поверьях лошадь олицетворяла магическое животное, связывавшее нижний мир, тьму, преисподнюю (ср. и.-е. *gheibh-* "бездна, зияние") с верхним миром, с небом (ср. др.-англ. *heofon* "небо"). В этой связи интересно сопоставить, с одной стороны, хет. *kab* "неблагоприятный; левый", но с другой стороны, хет. *qablu* "середица" (символ Вселенной).

10. В тринадцатом выпуске ЭС приводится любопытная этимология праформы *kulikb* "болотная птица" *Oedicnemus oedicnemus*. Автор обращает, с одной стороны, внимание на то, что кулик замечателен своим длинным изогнутым клювом (ср. франц. *bicasse* : *bee* "клюв, нос", нем. *Schnepfe* "кулик": *Schnabel* "НОС, клюв"), а с другой стороны – на следующие русские диалектные слова: *кулик* "ряженный", *куляжки* "святочные ряженные", ср. также: польск. *kulig, kulik* "масляничный поезд ряженных". Именно значения этих слов автор считает первичными: речь идет об обряде ряженных с их масками и преувеличенными атрибутами внешности – горбы, рога, носы. Указывается также на родство основы **ku-l-*, которая обозначает и кривизну, и сжимание, и хромоту.

11. В тринадцатом выпуске ЭС содержится оригинальная этимология праформы **kustb* (др.-русс. *кустъ*, русск. *куст*). Автор справедливо отвергает общепринятое сейчас отождествление **kuste* с литов. *kuokstas* "горсть, пучок, связка, куст": отмечается существенная разница значений литовского и русского слов – если для литовского *kuokstas* основным является "пук, пучок, клок", а применение к кустарниковому

Возможно, что русск. слово *конь* соотносится с лат. *conus* "вершина" (горы). Следует отметить, что гора в древности соотносилась с огнем (ср. русск. *гора* и русск. *гореть*: многочисленные примеры соответствия "гора" – "огонь" см. [Маковский 1989: 72]). Среди различной символики коня (Космос, вода и другие первоэлементы Вселенной, необузданные силы Хаоса, ветер, морская пена, смерть) выделяется символика огня и света. В связи с этим можно, видимо, сопоставить русское слово *конь* с и.-е. *kenk-* "гореть", а также осет. *k'ona* "очаг", хет. *gunni* "огонь, очаг".

В десятом выпуске ЭС (с. 197) дается иная этимология праслав. *копь* "конь, лошадь": вопреки очевидному, казалось бы, направлению деривации *копь* → *коть* предлагается рассматривать эти образования как ложные демутивиты, вернее – как преобразованный слепок с иноязычного *копко-1* *капко-*, встречаемого в кельтском (галльском) названии лошади в остаточных формах и в антропонимии: *laelum equino sanguine Concano* (Ног. Carm. III, 4, 34); сюда же собственные имена *Cancius, Cancilus, Cancia*. Кельтское слово реконструируется как "скакун" и продолжает и.-е. *ka(n)k-* "скакать" вместе с др.-в.-нем. *hengist*, нем. *Hengst* "жеребенок" и литов. *Sankiis* "проворный", "быстрый". Понятно при этом, что кельтск. *копко-1* *капко-* получило при заимствовании в славянский интерпретацию как популярный славянский демутивит на -к- суффиксальное, на самом же деле деривация была прямо противоположной: *копъ* → *копь*.

¹¹ Ср. тох. А *кираг* "глубокий", авест. *gufra-* "глубокий".

растению вторично (ср. особое основное название куста в литовском языке – *krumas*). то в русском (восточнославянском) – как раз наоборот. Наблюдения над семантической типологией названий куста позволяют выявить в их числе и первоначальное значение "стоячий" (ср. нем» *Staude*). Напротив, связь понятий "куст" и "пучок" часто вторична. К этому добавляются и формальные моменты, говорящие о неродственности слав, *kusfo* и литовского *kuokštas*. Так, "балтославянская" праформа **кбикIII-* у Траутмана отражала только особенности литовского слова с его акутированным дифтонгом, чего нельзя сказать о русском *куст*, где нет признаков ни древней долготы, ни акута. Русское слово, судя по всему, не было суффиксальным производным в отличие от литовского (ср. и старшинство неконечного ударения *куста*, *кустом*, *кусты* – XVII в.). Такое место ударения при краткости / или нормальной ступени / подударного гласного вызывает мысль о префиксальном сложении **ku-sto-* именной формы корня глагола **stojati* "стоять". Одним из соответствий для праславянского диал. **kustb* можно считать др.-инд. *kusfha-* "растение *Saussurea lappa*", в котором автор также справедливо усматривает сложение оценочного префикса *ku-* и корня *stha-* "стоять" в именной форме. Др.-инд. и русск. слова реконструируются из первоначального обозначения кустарника как "определенным образом стоящего, торчащего из земли", несколько принижено в сравнении с деревом.

12. Весьма интересно трактуется в ЭС праформа **kblbasa I* **кбIбазь* "колбаса". В отличие от прежних этимологии, связывавших рассматриваемое слово с заимствованием из тюркского (ср. турек. *kiilbastı* "мясо, жаренное на рашпере, жареные котлеты") или из семитского (ср. др.-евр. *kolba'sar* "мясо, плоть"), а также с франц. *calebasse* "тыква", автор считает это слово исконнославянским производным с суффиксом *-as-* от корня, представленного укр. диал. *кблбик* "желудок животного", белорусск. диал. *кдубык* "желудок животного", белорусск. диал. *каубух* "желудок с начинкой", укр. диал. *ковб* "свиной желудок". Приводятся семасиологические параллели для перехода значений "колбаса" < "начинка, начиненная кишка": ср. лат. *farciunt* "колбаса" (лат. *farciō* "набивать, напихивать"); болг. *наденица* "колбаса". Таким образом, отпадает сравнение рассматриваемого слова с *колоб*, *колобок* "печенье из муки", постулируемое Соболевым. Для этимологии рассматриваемого слова весьма важно учесть архетип **кбIбай* "мять" > "набивать". С другой стороны, следует обратить внимание на вариантную общность корня **кбIб-I* **кбM-* **кбIm-I* **кбк-*, значения которых объединяются вокруг "путать, мять", в связи с чем в ЭС устанавливается связь с русск. диал. *колтун* "путаник; мошенник", а также белорусск. диал. *каутун* "колосья, закрученные со злым умыслом", сюда же русск. *колдун*.

Возможно и другое толкование русских слов *колдовать*, *колдун*. Дело в том, что дерево (наряду с горой или водой) в древности считалось вместилищем душ или духов. В связи с этим можно сопоставить русск. *калода* и русск. *колдовать*. Ср. семасиологические параллели: лтш. *kudks* "дерево", но гот. *skohsl* "демон, злой дух", литов. *kaikas* "домовой"; русск. *ветла*, но др.-инд. *vetala* "демон, злой дух"; др.-инд. *rohi* "дерево", но гот. *rohsl* "дух". См. ЭС, 13, с. 178–180, 185. Ср. также ЭС 15, с. 46–47.

13. Весьма интересное и новое истолкование архетипа **Iайъ* содержится в ЭС, 14, с. 10–12. Слово это не имеет надежной этимологии в известных этимологических словарях.

Автор с полным основанием считает, что исход *-dh-* в рассматриваемом слове представляет собой ступень редукции и.-е. **dhf-* "класть, ставить". Эта отглагольность второго компонента *-db* (*-dho-*) делает сомнительной отглагольность первого компонента **la-db*, в сущности принимаемую Бернекером. Автор указывает также на то обстоятельство, что имеется немало старых сложений с *-db* в славянском: ср. **sodb*, **pridb*, **pegŭb*, **udb*. Для всех них практически характерно наличие предлогов-приставок в первом компоненте сложения. Это открывает новый аспект словообразовательно-этимологического анализа для слова **ladb*. В составе **ladb* можно

предполагать наличие служебного местоименного элемента на *-/-*: ср. и.-е. **ol-*, реконструируемое для лат. *uls* "по ту сторону", лат. *ultra* "сверх, дальше", др.-лат. *ollus* "илле". Замечательно, что реликт старого указательного местоимения **ol-* уже давно вскрыт в слав. Праславянское **olni* с точным полным соответствием в др.-лат. *olli* "тогда" (**olnei*) лишено балтийских соответствий. Сказанное позволяет интерпретировать слав. **laũ* как сложение предлога-приставки указанного происхождения **{o}lo* + **dho-*. Чисто морфологически реконструируемое **olo* находит аналогию в "полных" праформах предлога-приставки **agho* / **ugho* (откуда слав. **og-*, **yog-*, **za-*, литов. *uz*, *uzuo*). Поскольку понятие порядка, гармонии в древности соотносилось с сакральными и ритуальными понятиями, рассматриваемый здесь корень **dhe-* "класть", входящий в слав. **laũ* "порядок", уместно сопоставить с и.-е. **dhes-*: ср. арм. *dik* "боги", лат. *fanum* (*fas-no-m*) "место, посвященное богам, храм", др.-инд. *dhisnya* "святой; набожный".

14. В восемнадцатом выпуске ЭС (с. 71-72) дается оригинальная этимология архетипа **medb* "мед". Автор обращает внимание на тот факт, что пчелиный мед привлекал внимание первобытных людей как жидкость, *п о д в е р ж е н н а я* *ф е р м е н т а ц и я*, в связи с чем приводится следующий языковой материал: др.-инд. *mddati* "бурлить", греч. *цаойсо* "расплаваться", "переливаться", лат. *madeo* "быть влажным, сочиться". В качестве семасиологической параллели приводится следующее сопоставление: др.-русс., сербск. — церк.-слав. *стрьдь*, словен. *sld*, ст. чеш. *stred* "густой мед", но нем. *Strudel* "водоворот", которые возводятся к и.-е. **sr-e-dh-os* / **sr-o-dh-os* и далее к и.-е. **ser-* "струиться, вытекать".

15. Весьма оригинально и ново содержащееся в девятнадцатом выпуске ЭС толкование архетипа **mogyla* "курган, холм", который возводится к и.-е. **megh-* "большой" (разумется с кентумным рефлексом заднебного). Индоевропейская праформа, приводимая в словаре Ю. Покорного, включает такие слова, как греч. *ц^а^о* "большой", но также: др.-инд. *main* "земля", лат. *maedre* "приносить в жертву, убивать жертву". Автор обращает внимание на интересную статью Е.С. Павловой [Павлова 1993], где рассматриваемое слово связывается с русск. диал. *гомьлька* "большой платок, подаренный невесте женьхом в день свадьбы" и сопоставляется символика свадебного и похоронного обрядов. Если взросление юноши предполагало прохождение через обряд инициации (где происходила ритуальная смерть участников обряда и возрождение их уже в новом качестве - воинов, взрослых мужчин, полноправных членов племени), то ритуальные похороны девушки-невесты на пороге вступления ее в новую жизнь связывались с ее покрытием платком. Не случайно свадебное платье для невесты и саван до сих пор одинаково шьются из белой ткани. Раскрытие невесты, снятие покрывала в доме жениха должно было означать ее "освобождение", выход ее из "могилы". Предметом, на который возлагалась функциональная нагрузка ритуальных похорон невесты, был специальный свадебный хлеб (пирог). Важно, что по форме этот хлеб должен был быть обязательно округлым, выпуклым, довольно большим (нередко размеры его были столь велики, что приходилось разбирать переднюю стенку печи, чтобы вынуть пирог), т.е. практически повторял форму холма, насыпи, могилы. В чешском языке такой пирог назывался *homola* (ср. с метатезой - русск. *могила*). Таким образом, существует прямая связь между названием свадебного пирога (чеш. *homola*), платка, которым покрывают невесту (русс. диал. *гомьлька*) и названием погребального холма - могилы. В этой связи показательны следующие сопоставления: ново-ирл. *uaigh* "могила", но нем. *Week* "пирог", др.-инд. *vah-* "вступать в брак"; др.-англ. *hyr(i)gan*, совр. англ. *bury* "хоронить", но англ. *bride* "невеста" (страдательное причастие от др.-англ. **byr(i)gan* "хоронить", букв. "похороненная"), ср. также англ. *bread* "(свадебный) хлеб";¹² др.-англ. *hiwan* "вступать в брак", но и.-е. **keu-* "холм, насыпь", а также "пропасть, дыра, могила, бездна". Латинское слово *luna* <

Ср. также: англ. диал. *brof* "покрытие, попона для лошади".

"*luks-na*" соотносится не только с лат. *lux* "свет", но и с гот. *liugan* "вступать в брак" (луна – символ смерти, ср. русск. диал. *луна* "смерть"). Типологически ср.: арм. *nor* "луна", но и.-е. **neg-* "мужчина, производитель"¹³ и русск. *нора* (> "дыра, могила"): ср. арм. *nor-apsak* "новобрачный", букв. "увенчанный луной".¹⁴

16. В девятнадцатом выпуске ЭС (с. 7-11) дается интересная этимология архетипа **meso* "мясо", который впервые связывается с греч. *σβ[ι]ς* "сырой", др.-инд. *amāh* "сырой" (неполная редупликация **me-ems* или **me- em s-*) и далее с и.-е. **om(э)so-* "плечевой сустав" (исходным для этого последнего является значение "кусочек, часть сырого мяса").

17. В восьмом выпуске ЭС (с. 83-84) приводится оригинальная трактовка архетипа **xoteti* "хотеть, иметь желание, охоту, ощущать потребность в чем-нибудь", который связывается с **xvot-*, родственным **xvatati* [последний получает объяснение как ступень продления **xvot-* (итеративно-дуративное образование)]. Весьма любопытно, что нормальная ступень **xvot-* в значении "хватать" – не известна и, по-видимому, не сохранилась, что свидетельствует в пользу предполагаемого полного переосмысления **xvot-* "хватать, брать" > **xoteti* "хотеть". Сюда же примыкает фонетическое свидетельство русск. диал. *охвѣта* "охота", которое говорит об изначальности сочетания *xv-* и не объяснимо иначе. Что же касается праформы **xvatati* (ЭС, 8, с. 123), то автор отмечает, что формальная реконструкция этого глагола приводит к **sue-*, в конечном счете местоименного происхождения (**jvo/b*); таким образом, "схватить" < "присвоить".

Вполне понятно, что любое этимологическое решение, даже самое удачное, не является "вещью в себе" и может допускать дополнение, расширение, позволяющее взглянуть на него с точки зрения различных концептуальных и культурно-социальных плоскостей. Такое дополнение [Журавлев 1993] не только не нарушает основной идеи того или иного этимологического решения, но, напротив, может служить его подтверждением и дальнейшим углублением. В этой связи мы позволим себе сделать несколько замечаний на полях некоторых статей рассматриваемого "Этимологического словаря славянских языков".

1. Архетип **баба*. В ЭС (1, с. 107) указывается, что праслав. **baba* – слово детской речи (Lallwort) с главным значением "старуха, бабка", тогда как остальные значения – результат вторичного переноса, в основе которого лежит либо простая метафора (обозначение чего-либо по сходству со старой женщиной, бабой), либо языческое представление, например, русск. *бабочка* "мотылек" – это первоначально "душа бабки, предка женского пола". В этой связи следует отметить, что по поверьям древ-

¹³ Ср. также, литов. *nořeti* "хотеть" (> "похоть").

¹⁴ Согласно мифопоэтической традиции, умерший считался светилом, солнцем, а могила, гроб, саван – матерью умершего (а также небом). В этой связи показательны следующие сопоставления: англ. диал. *aid*, *ade* "яма, могила", но гот. *aipēi* "мать" [ср., с другой стороны, лтш. *ada* "кожа, шкура, оболочка" > ("саван")]; русск. *гроб*, но и.-е. *grolbh-* "матка (у женщины); к тому же корню относятся тох. А *Шор* "боль, страдание" > "родовые муки матери" (типологически ср. ирл. *fo-dáimín* "страдать", но лат. *femina* "женщина", тох. А *tarn-* "рожать"; др.-в.-нем. *quale*, др.-англ. *cwalu* "боль, мука", но тох. А *kuli* "женщина"; др.-англ. *oese* "боль", но арм. *eg* "женщина": ср. др.-в.-нем. *sahhan* "причинять страдания"); др.-англ. *sar* "боль", но и.-е. *sor-* "женщина"; с другой стороны, к тому же корню относятся и греч. троасерч *свинья* [значение "свинья" обычно соотносится со значением "coire, рождать": типологически ср. нем. *Sau* "свинья", но и.-е. *seu-* "рожать" (лтш. *sieva* "женщина"), нем. *Schwein* русск. *свинья*, но хет. *uen* "coire" лтш. *cūka* "свинья", но и.-е. *kukos* "vulva"]. Вместе с тем можно привлечь для сравнения лтш. *skurbs* "пьяный" (< "находящийся в экстазе": сакрально-фаллический экстаз), а также русск. *скорбь* и уже приводившееся тох. А *klop* "опасность: страдание", др.-исл. *glSpr* "дурак, идиот" (состояние экстаза, потери чувств). Типологически ср., с одной стороны, нем. *Leid* "страдание", но исл. *leiSla* "экстаз", а с другой – др.-инд. *bhaya-* 1) "страдание, страх", но также 2) "опасность". Другие примеры: сербско-хорв. *рака* "могильный склеп" < гот. *arka* < лат. *area* "ящик", но хет. *ark-* "coire" (ср. ирл. *egc* "небо"); англ. *shrine*, нем. *Schrein* "гробница", но англ. диал. *clean* "плацента, детское место" (у коровы); др.-англ. (нортумбрийская Библия) *mudric* (гlossa *serin*) "ящик, емкость" > ("гроб"), но англ. *mother* "мать" [с этим последним ср. также: ср.-в.-нем. *muoder*, *miieder* "Kleidungsstück", > ("саван"), с другой стороны, англ. *poat* "ров, яма, могила" (ср. др.-англ. *mund*, англ. *mouth* "рот")].

них, душа человека после смерти могла перевоплощаться в насекомых. Русское слово *бабочка*, сербско-хорв. *babe* "божья коровка", видимо, восходит к и.-е. **bha-* "гореть" (значение "душа" часто соотносится со значением "огонь, божественный огонь: типологически ср. и.-е. **dheg-* "гореть", но русск. *дых*; русск. *гореть*, но лтш. *gars* "душа"). Подобным же образом и англ. диал. *lealow* "бабочка" (редупликация) соотносится с др.-англ. *lieg* "огонь"; лат. *papilio* "бабочка" (редупликация) соотносится с и.-е. **pel-* "гореть"; ирл. *teine-de* "бабочка" означает буквально "божественный огонь", а ирл. *dealan de* "бабочка" означает буквально "божественная молния". Интересно литовское слово *drugys* "бабочка", которое одновременно означает и "лихорадка, жар"; подобным же образом греч. *μολύχης*; означает "бабочка", а греч. *γλυβάρις* "лихорадка, жар"; перс. *hdhwartah* "бабочка", очевидно, можно соотнести с др.-англ. *bel* "огонь, костер" (персидское слово *bdl* "крыло", очевидно, является производным и метафорически передает колебательные движения языков пламени).

2. Архетип **meiŷ* (ЭС, 18, с. 71-72). В связи с тем, что первобытные люди пользовались медом непосредственно из дупла деревьев в лесу, вполне возможна связь названия меда с названием дерева: ср. и.-е. **medh-* "мед", но литов. *medis* "дерево"; др.-сев. *hunang*, др.-англ. *hunig* "мед": здесь перед нами, видимо, композитум, отдельные части которого соответствуют лтш. *kuoks* "дерево", др.-сев. *skogr* "лес" + и.-е. **ag-* "дуб" (ср., однако, брет. *gwenan* "пчела", валлийск. *gwenynen* "пчела" + ново-перс. *eng* "пчела": типологически ср. гот. *bagms* "дерево", но ирл. *bech* "пчела"). Вместе с тем вполне возможно, что мы имеем здесь дело с табуистическими формами: ср. хет. *henkan* "смерть", и.-е. **kenk* "голод" или и.-е. **kauno* "стыд, позор" + и.-е. **aigdh-* "позорный".

С другой стороны, необходимо принять во внимание, что древняя символика меда - мудрость: ср. и.-е. **medh-* "мед", но др.-англ. *smead* "умный, сообразительный"; лат. *apis* "пчела", но тох. А *opyas* "разум"; ново-перс. *eng* "пчела", но ирл. *ecne* "мудрый". др.-сев. *hunang* "мед", но гот. *hugian* "думать". Значение "мед" может также соотноситься со значением "середина, сердцевина" (мед считался олицетворением Вселенной, которая располагалась древними в середине Мироздания): ср. лат. *mediate* "середина, сердцевина", др.-англ. *midd* "средний", но русск. *мед*, и.-е. **medh-* "мед"; хет. *lal* "мед" < **leg-al(gh)-* (редупликация), но хет. *legan* "середина, внутренности". Далее следует учитывать, что мед как магический напиток являлся источником ритуального экстаза при возлиянии, в связи с чем следует сопоставить: и.-е. **medh-* "мед", но др.-англ. *mcetan* "спать" < "находиться в экстазе"; и.-е. **mel-* "мед", но и.-е. **mel-* "экстаз"; и.-е. *lal* "мед" **leg-al(gh)-I *ledh- al(dh-)*, но исл. *leidla* "экстаз" (ср. др.-англ. *ling* "идол, языческий божок"); чеш. *stred* "мед" - валл. *sardd* "экстаз".

3. Архетип **kozuŷ* "kozyрь" (в карточной игре)". В двенадцатом выпуске ЭС (с. 27-28) архетип **kozuŷ* истолковывается как сложение местоименной приставки *ko-* и корня глагола **zyriti* "смотреть", причем намечается следующее семантическое развитие: "приспособление для защиты зрения" —> "навес, то, что сверху" (ср. русск. *kozyрек*) — "старшая карта, покрывающая остальные". Вместе с тем, как нам представляется, рассматриваемый архетип можно, видимо, сопоставить с др.-англ. *husel* "жертвоприношение" (букв. "жертвоприношение как средство умиротворения богов")¹. Что же касается русск. *kozyрек* "верхняя часть шапки", белорусск. диал. *казырок* "верхняя часть шапки; навес над дверью", то здесь необходимо учесть, что предметы и животные, приносившиеся в жертву, подвешивались на деревьях. С дру-

¹ Ср. семасиологическую параллель: лат. *triumphus* "торжественное шествие" (< "сакральное действие") < греч. *τρί-υ(ι)φί*, букв. "тройственное жертвоприношение"; ср. др.-в.-нем. *iuoba* "жертвоприношение; сакральное действие", но англ. *trump*, нем. *Trumpf* "kozyрь" (в карточной игре). Относительно перехода значений "голос, прорицание" (ср. феч. *оцфУ*) типологически ср.: гот. *stibna* "голос", но др.-англ. *fiber* "жертвоприношение"; литов. *girti* "хвалить, славословить" (ср. и.-е. *gher-* "издавать звуки"), но русск. *жертва*.

гои стороны, однако, можно принять во внимание композитум: хет. *ku-* "платить; приносить в жертву" + хет. *suris* "жертвоприношение" [Маковский 1992; Маковский 1995; Херлот 1994; Bonnefoy 1981; Chevalier, Gheerbrant 1979; Golan 1991; Pictet 1877; Poirier (ed) 1991; Puech (ed.) 1976].

4. Архетип **heseda* в первом выпуске ЭС (с. 212), по мнению автора, первоначально означал "сидение" (без оттенка "снаружи", не вытекающего из реальных значений и ад-нос примышленного исследователями, начиная с Бернекера, принимающими реконструкцию **bez-seda*), откуда затем и "место сидения" (ср. др.-русс. *becida* "седалище, место сидения", русск. обл. *беседка* "скамейка"), и "совместное сидение, общение", "разговор". В связи со сказанным автор вслед за Розадовским сближает слав. **heseda* с др.-инд. *bhasdt* (*bhasdd-*) "задница" < **"сидение"*.

Следует иметь в виду, что, согласно верованиям язычников, определенное положение в пространстве имело магическую символику, в связи с чем важно отметить, что понятие слова (геср. звука) тесно связано с ориентацией в пространстве (магический символ добра и зла, жизни и смерти, сверхъестественной силы и др.). Ср. нем. *liegen* "лежать", нем. *legen* "класть", но греч. *ἔλγω* "говорить"; алб. *dergjem* "лежать", но кельтск. **trigio* "музыка, звуки"; арм. *parkel* "лежать", но тох. А *plac* "слово, речь"; лтш. *gulet* "лежать", но и.-е. **ghur-* "издавать звуки". Ср. [Маковский 1993]¹⁶. Учитывая сказанное, можно полагать, что русское слово *beseda* представляет собой композитум, первая часть которого соответствует и.-е. **bhe-*, **bho-*, **bhu-* "быть, находиться в определенном положении в пространстве или в определенном месте" + и.-е. **sed-* "находиться в определенном положении в пространстве или в определенном месте" (ср. англ. диал. *The book is sitting on the table* "Книга находится на столе": [J. Wright 1905, s.v.]). Возможно, однако, что первый компонент этого слова соотносится с и.-е. усилительной частицей **bhe-*. Вместе с тем, как нам представляется, рассматриваемый архетип, можно соотнести с и.-е. **bha-* "говорить", "издавать звуки" < **bhu-* "быть" + др.-инд. *svadha* "custom, rule, law; rite" [Mann 1984: 1342]. Возможно, однако, что перед нами композитум, состоящий из и.-е. **bha-* "блестеть, гореть" (как ритуальный термин соотносится с и.-е. **bha-* "говорить, издавать звуки") + и.-е. **sueid-* "блестеть, гореть" (возможно, соотносится с **uedh-* "говорить").

5. В десятом выпуске ЭС (с. 38-39) возрождается незаслуженно забытая этимология Брюкнера, согласно которой праформа **kleti* совершенно справедливо соотносится с праформой **kloniti* ("Брюкнер отмечал: "Славянин во время клятвы склоняется до земли, касаясь ее рукой"). Действительно, именно прикосновение, а также возложение (жертвоприношение) были наиболее типичными формами клятвы и проклятия. Кроме того, понятие клятвы связывалось со съеданием жертвы (или земли, к которой прикасались), а также с преломлением ветви (русс. *обет* "клятва" < **ob-uet-*).

В этой связи, как нам представляется, вполне возможно допустить соотношение русских глаголов *класть*¹⁷ и *клясть*. Типологически ср.: праформа **pri-sega* "клятва" буквально означает "касание рукой"; др.-англ. *ad* "клятва", но др.-ирл. *do-aidla* (3 Sg.) < *to-ad-ell* "приблизиться, трогать, дотронуться"; и.-е. **lagh-*, **leggh-*, **lugh-* "класть", но ирл. *luge* "клятва" (ср. др.-англ. *lac* "жертвоприношение"); у грекой возложение на алтарь (молитвы, жертвенного животного и др.) означало как дар по обету, так и отлучение, проклятие (греч. *ἵκεσις*); литов. *keikti* "проклинать" соотносится с и.-е. **kei-* "лежать, возлагать"; ср. также: и.-е. **orego* "reach, stretch, spread, extend to" [Mann

¹⁶ Интересно, что слова со значением "место" могут соотноситься со значением "говорить": ср. лат. *locus* "место", но лат. *loquere* "говорить"; лат. *pagus* "местность", но др.-англ. *spacan* "говорить"; ново-греч. *uḡros* "место", но гот. *merjan* "громко объявлять, провозглашать"; греч. *τῆλο*? "место", но тох. А *tap* "громко объявлять, громко говорить"; лат. *regio* "местность", но и.-е. *ḡḡk-* "говорить".

Авторы ЭС справедливо указывают, что значение "скопить, холостить, кастрировать" неотделимо от семантики "класть" (ЭС, 9, с. 188). Ср. литов. *guldyti, gulda* "укладывать, класть", но также "скопить, холостить"; ср. также русск. диал. *ложить* "скопить, холостить".

1985: 887], но греч. брКЮч "клятва": и.-е. *ueg- "найти, взять" (букв. "дотронуться"), но др.-англ. *swerian* "клясть, проклинать" (ср. также: и.-е. *uer- "weit, breit"); и.-е. *teg-, *tog- "дотронуться; жать" (ср. англ. *tongs* "щипцы"), др.-инд. *dhaukate* "приближается; дотрагивается", но др.-ирл. *longu*, валлиек, *lyngu* "проклинать" (ср. англ. *stock* "склад", букв. "то, что кладется").

С другой стороны, ср.: тох. А *talke* "жертвоприношение", греч. храуос "козел" (обычный предмет жертвоприношения), но греч. т'соусо "есть, пожирать" (ср. вместе с тем др.-англ. *telg* "ветка"), а также и.-е. *sterg- "охранять", но и.-е. *sterg- "губить, навлекать болезнь"; и.-е. *adh-, edh- "есть", но др.-англ. *ad* "клятва"; гот. *ga-wargjan*, др.-англ. *wiergan* "проклинать", но литов. *valgyti* "есть, кушать" (ср. литовск. *vargs* "плохой", но осет. *warz* "любовь"); ново-ирл. *m'ionn* "клятва", др.-инд. *medha-* "жертвоприношение" (ср. др.-ирл. *mind* "знамение") < *mendh-, но лат. *manducare* "есть, питаться", ср. также: нем. *Erde* "земля", но осет. *aid* "клятва"; др.-англ. *hruse* "земля", но др.-англ. *cursian* "проклинать"; архетип *pri-s%ga "клятва", но осет. *sugy* "земля".

"Этимологический Словарь славянских языков" - крупнейшее достижение российской науки нашего времени, не имеющее аналогов в мировой практике подобных изданий. Опубликованные выпуски этого Словаря - плод огромного труда коллектива этимологов - уже давно стали настольной книгой славистов и индоевропеистов, которые особенно ценят в нем достоверность обширного языкового материала и оригинальность этимологических решений. Лингвистическая общественность с нетерпением ожидает успешного завершения Словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Журавлев А.Ф. 1992 - Заметки на полях "Этимологического словаря славянских языков" // Этимология. 1988-1990. М., 1993.
- Зеленин Д.К. - Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. М., 1994.
- Маковский М.М. 1989 - Удивительный мир слов и значений. М., 1989.
- Маковский М.М. 1992 - "Картина мира" и миры образов (Лингвокультурологические этюды) // ВЯ. 1992. № 6.
- Маковский М.М. 1995 - Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1995 (в печати).
- Материалы 1992 - Российская академия наук. Материалы к библиографии ученых. Серия литературы и языка. Вып. 21: Олег Николаевич Трубачев / Сост. Л.В. Шутько. Автор вступительной статьи Л.А. Гиндин. М., 1992.
- Павлова Е.С. 1993 - Русск. диал. *гомьлька* - Этимология. 1988-1990. М., 1993.
- Трубачев О.Н. 1957 - Принципы построения этимологических словарей славянских языков // ВЯ. 1957. 5.
- Трубачев О.Н. 1967 - Работа над этимологическим словарем славянских языков // ВЯ. 1967. № 5.
- Трубачев О.Н. 1972 - Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1970. М., 1972.
- Херлют Х.Э. 1994 - Словарь символов. М., 1994.
- Этимологический словарь 1963 - Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963.
- Bonnefoy Y. (ed.) 1981 - Dictionnaire des mythologies et des religions des sociétés traditionnelles et du monde antique / Sous la direction de Bonnefoy Y.V. I-II. P., 1981.
- Chevalier J., Gheerbrant A. 1979 - Dictionnaire des symboles. P., 1979.
- Golan A. 1991 - Myth and symbol. Symbolism in prehistoric religions. Jerusalem, 1991 (= Голан А. Миф и символ. М., 1993).
- Kluge F. 1975 - Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. B., 1975.
- Mann S.E. 1985 - An Indo-European comparative dictionary. Hamburg, 1985.
- Pictet A. 1877 - Les origines indo-européennes, ou les Aryas primitifs. Essai de paléontologie linguistique. 1-3. P., 1877.
- Poirier J. (ed.) - Histoire des mœurs / Sous la direction de Poirier J. 1-3. P., 1991.
- Puech H.-Ch. 1976 - Histoire des religions / Sous la direction de Puech H.-Ch. 1-3. P., 1976.
- Vaillant A. 1966 - Grammaire comparée des langues slaves. V. 3. P., 1966.
- Wright J. (ed.) 1898-1905 - English dialect dictionary / Ed. by Wright J. I-VI, Oxford, 1898-1905.